

дых“ и поэтому „принужаху их битися с Русью; онем же не хотящим и отрицающимся аки неумеющим дела того, и приковываху их железы к пушкам, и с обнаженными мечи стояху над главами их, и смертью претяху им; и тако их принудиша неволю ис пушек бити по Руским полком“. Однако не только армяне, но и турки, несмотря на антимосковские настроения турецкого правительства, — „лестно и худо бяху и не улучаху, аки не умеючи, и ядра черес воя препущаху или не допущаху“.¹ Иван Грозный знал о поведении иноземцев во время осады города русскими, и, как сообщает автор „Казанской истории“, после взятия Казани „царь князь великий милость за се подаст им“.² В летописях известия о благожелательном отношении к русским „армен, турчан“ и других иноземцев, бывших во время осады Казани в самом городе, не имеется. Тем интереснее сообщение автора „Казанской истории“. „Летописец начала царства“ сообщает, что после взятия города „полон же повеле царь имати жены и дети малые, а ратных людей за их измены избити всех“,³ что и было исполнено, а „армяне, турчане, бухарцы“ оказались, по свидетельству „Казанской истории“, выпущенными с царскими милостями. Исследователи „Казанской истории“ брали под сомнение это сообщение автора.⁴

После победы над Казанским ханством в Москве, в честь взятия города русскими войсками, был построен „на рву у Флоровских ворот“ собор Василия Блаженного, где один из алтарей был посвящен Григорию Просветителю Армянскому.⁵ Возможно, что это было знаком внимания к армянам, доказавшим свое благожелательное отношение к русским во время последней осады Казани. Мы имеем, таким образом, косвенное подтверждение сообщения автора „Казанской истории“, находившегося в течение всей осады в городе и знавшего отношение к московскому правительству различных групп осажденных.

Только в „Казанской истории“ имеются сведения о том, что казанцы, гордо и с презрением отклонившие мирные предложения Ивана Грозного, мобилизовали для защиты города последние человеческие ресурсы: к оружию были призваны „высокорастлыя жены и девицы сильныя“.

Особенно ярки и убедительны картины, описывающие противоречивые настроения в самой Казани. Женщины — матери и жены — обращались с мольбой пойти на переговоры с русским царем, но казанцы, подстрекаемые фанатичным духовенством, не хотели об этом и слышать. Только на месте, в Казани, можно было наблюдать, какое впечатление на потерявших было надежду жителей произвел тактический отход русских войск от стен города перед взрывом. Пленник, близкий ко двору, мог знать, что царь Едигер не верил отходу, что он был „весел и не весел“, вынужденно, „аки не хотя“, он приказал приносить благодарственные „молбы“ и жертвы. Пленник видел и буйное веселое доверчивого казанского народа, думавшего, что русские совсем ушли от города.

При сличении некоторых рассказов „Казанской истории“ с летописными рассказами о начальном этапе осады Казани можно отметить, что автор „Казанской истории“ описал осаду так, как ее представляли сами казанцы, т. е. опираясь на впечатления осажденных.

¹ Там же, л. 184.

² Там же.

³ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XIII, ч. 2, СПб., 1906, стр. 513.

⁴ Г. Э. Кунцевич. История о Казанском царстве, стр. 444.

⁵ ПСРЛ, т. XXI, ч. 2, СПб., 1913, стр. 674.